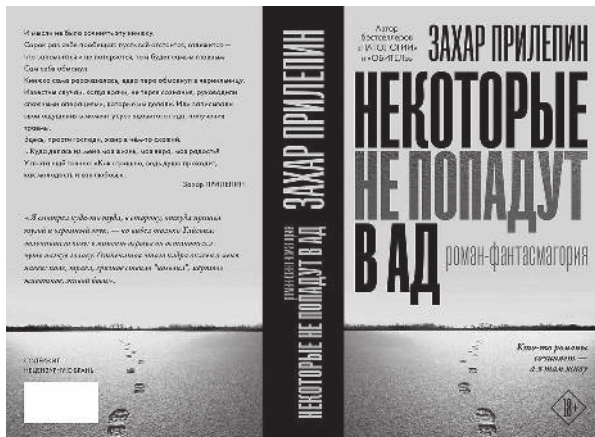

Это произведение о человеке на войне. На локальной войне. Так принято теперь называть военные конфликты после 1945 года. Но война — она и есть война. Не случайна русская поговорка: кому война, а кому — мать родна. И важно не только то, что и как написано, а в первую очередь, — КТО писал. Ведь если широко смотреть, то «военную прозу» можно начать, наверное, с «Анабасиса» Ксенофонта¹ или «Записок о галльской войне»² Юлия Цезаря. С одной стороны — рассказ о трагическом, но мужественном отступлении побеждённых войск, а с другой — нарочито сдержанная, но исполненная внутреннего пафоса повесть о победе, написанная самим же победителем (по этому тексту студенты-филологи и до сих пор, спустя две с лишним тысячи лет, учат латинский язык). Разница в том, кто писал — победитель или побеждённый — сохраняется и до сих пор. Впрочем, я, быть может, слишком углубился в историю. Но, как будет сказано дальше, это необходимо.

Феномен нашей эпохи, как уже говорилось, — это локальные войны. Сразу вспоминаются корейская война (1950–1953 гг.), война в Индокитае (1946–1954 и далее) и война в Алжире (1954–1962 гг.). Ну, и конечно, памятная многим нашим современникам война США во Вьетнаме (1965–1975 гг.), а тем более война СССР в Афганистане

¹ Сочинение древнегреческого полководца и историка, посвящённое событиям, происходившим в V веке до н.э. в Персии, когда 13000-ный отряд греческих наёмников принял участие в междуусобной войне, начатой сатрапом (правителем) Лидии, Фригии и Великой Каппадокии персидским царевичем Киросом с целью свержения с престола его старшего брата, царя царей Артаксеркса II.

² Записки о Галльской войне (лат. *Commentarii de Bello Gallico*) — сочинение Гая Юлия Цезаря, в восьми книгах которого он в присущей ему точной, сжатой и энергичной манере описал своё завоевание Галлии в 58–50 гг. до н.э., а также две переправы через Рейн и высадку в Британии.

(1979–1989 гг.). В чём своеобразие этих так называемых *лок льных* конфликтов? Нельзя сказать, что они были какими-то уникальными, — такого рода войны были всегда. В частности в XIX веке Россия воевала на Кавказе и в Средней Азии десятки лет. Но мне представляется, что во второй половине XX века эти конфликты приобрели характер какой-то внутренней безысходности, когда становится почти неясным, кто, за кого и зачем воюет. Геополитические цели как бы потеряли внутренний смысл, а сама война обрела некую внутреннюю самоцель. Один из фильмов, посвящённых вьетнамской войне и получивший ряд премий, «Апокалипсис сегодня»³ как раз и подчёркивает эту мысль. Война без начала и конца. Война, как образ жизни при конце света. Вспоминается и фильм Бортко «Афганский излом» с Микелем Плачидо в главной роли. Об афганской войне к сегодняшнему дню написано немало, но в общественном мнении так до сих пор и не сформировалось ясного понятия о её значении для современного общества.

Прошу прощения за это, возможно, длинное вступление, но и на территории бывшего СССР произошло немало локальных войн и межнациональных конфликтов с многотысячными жертвами. Это кровавые конфликты в Узбекистане и Таджикистане, в Чечне, на Кавказе и в Закавказье. Много ли мы о них знаем? Очень немного. А ещё меньше о вооружённом конфликте, дпящемся

³ «Апокалипсис сегодня» (англ. *Apocalypse Now*)^[3] — художественный фильм, построенный на теме войны во Вьетнаме, снятый Фрэнсисом Фордом Копполой по сценарию самого Копполы, Джона Милиуса и Майкла Герра. Отправной точкой для сценаристов послужила повесть Джозефа Конрада «Сердце тьмы» (1902).

уже седьмой год, между Украиной, с одной стороны, и Донецкой и Луганской республиками — с другой. Пожалуй, первая серьёзная книга об этом — это роман-фантазмагория Захара Прилепина.

Этого автора не нужно представлять. В разных опубликованных за последнее время в «ЛР» рейтингах лучших современных писателей он неизменно фигурирует в первых рядах. Ясна его внутренняя позиция — упор на психологию героизма, подвига, порой граничащего с хулиганством или даже преступлением («Санькя», «Грех» и др.). Но это было раньше, а сегодня Захар Прилепин полностью легализовался в структуре современного околоправительственного мышления, так что он смог вести на НТВ еженедельную передачу «Уроки русского». Об этом проекте говорится прямо: «Еженедельный проект Захара Прилепина находится на стыке жанров сетевого видеоблога и аналитической телепередачи. В нём известный писатель анализирует наиболее актуальные и общественно значимые темы недели. Фигура Захара Прилепина известна не только поклонникам литературы. Его публицистические выступления никогда не оставляют аудиторию равнодушной, подтверждая известный тезис, что «поэт в России больше, чем поэт». В своём проекте на НТВ он не только комментирует важные события и громкие темы, обсуждаемые в прессе и в Интернете, но и сам задаёт новые темы для дискуссии в обществе». В программе З. Прилепина немало интересного. Вот, например, урок № 102. «Писатель в политике: тварь творящая или имеет право...». Об этом, как известно, задумывался ещё Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», — кто же на самом деле «имеет право»? Право на жизнь или право на убийство? Это почти шутка. Хотя в каждой шутке, как известно только доля шутки. Мы это ещё увидим.

О таких значительных правах на телевидении, и о таком социальном статусе ни покойный Э. Лимонов, ни В. Жириновский, ни А. Дугин, не говоря уже о скончавшемся недавно Константине Крылове, и мечтать не могли. Что бы это значило?

Для ответа на этот вопрос следует заметить, прежде всего, что рецензируемая книга — это никакой не роман-фантазмагория, а скорее нечто среднее между военными очерками и мемуарными раздумьями. Книга очень интересная и сильная, так что первое, что приходит на ум при возможных литературных аналогиях (сделаю автору комплимент) — это «Севастопольские рассказы» Л. Толстого. Да простит меня читатель за новое отступление: любая война — и большая, и малая — формирует психологию своих участников.

После Первой мировой образовалось так называемое потерянное поколение (Э.— М. Ремарк, Э. Хемингуэй и др.). Но ведь были люди, для которых та же Первая мировая война стала источником внутреннего героизма: Н. Гумилёв, Э. Юнгер (роман «На мраморных утёсах» 1937–39 гг., пер. на русский М., 2009 г.). Суть в том, что война лишь с наибольшей отчётливостью выявляет те конфликты, которые уже заложены и в обществе, и в сознании. Не случайно, что название этой статьи взято из повести писателя-фронтовика Ю. Бондарева. Может быть, первой в советской литературе, где война представлена внутриконтрактной ситуацией.

Захар Прилепин участвует в войне Донецкой и Луганской республик с Украиной совершенно сознательно и определённно. Здесь нужно отметить, что его, на наш взгляд, идейный предшественник Эдуард Лимонов тоже воевал «за правое дело», то есть на стороне Сербии во время югославского конфликта, на стороне Абхазии во время грузино-абхазской войны и т.д, что привело к написанию им многих публицистических статей и очерков.

З. Прилепин идёт другим путём. Он обобщает свой военный и психологический опыт в единое целое, которое условно называет романом, хотя, как говорилось выше, эта книга не является романом в обычном понимании этого слова. И тут возникает целый ряд вопросов. Э. Лимонов, как и многие его предшественники, участники других войн, в том числе и мировых (вспомним К. Симонова, А. Фадеева, Д. Ортенберга и других военных корреспондентов) воевали в силу долга и приказа. А что же делал в Донбассе Захар Прилепин? Роман начинается с того, что он — автор — объясняет читателю, как на свои *личные деньги орг низов л и вооружил воинскую часть* (а впоследствии и ещё один батальон) граждан Донецкой республики, принявший самое активное участие в обороне Донецка под руководством Александра Захарченко, который и стал одним из главных героев записок З. Прилепина.

Вот здесь уместно вспомнить авторскую мысль о том, тварь он дрожащая или имеет право... Снова зададим вопрос: право на что? Один из героев романа даёт такой зарок: «Выпить бутылку водки из горла в Киеве, когда там окажемся» (стр. 98). На первый взгляд — эва, куда замахнулся! А на самом деле, может, это и похоже на правду. Здесь нужно опять сделать некоторое отступление. Украина в теперешних границах — это не территория, где жил и находился украинский (малороссийский) народ. Это продукт картографии советских правителей с 1922 по 1954 (присоединение Крыма) гг.

Украина как самостоятельное государство исторически существовала только с 9 января по 29 апреля 1918 года в составе 9 губерний: Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической (северные уезды без Крыма). Это от силы четверть теперешней территории, так что вякать по этому поводу теперешним националистам — «укропам» — вроде бы и нечего. Уместно вспомнить ещё, что Донецкая (раньше Донецко-Криворожская) и Луганская республики существовали как самостоятельные политические образования ещё с 1918 года.

Вот в чём суть конфликта: ни восточная, ни южные области Украины никогда не были в так называемой Украине. Советская власть боялась так называемой «украинизации», как огня, а потому до 1934 года даже «столица» «УССР» была перемещена в Харьков. Итак, становится очевидным: русские люди Донецкой и Луганской областей, загнанные в территориальный концлагерь под названием «Украина», решили воспользоваться своим правом на самоопределение.

Борьба жителей Донбасса и Луганска стала поистине борьбой всех народов, а особенно людей, которых официальные власти считают ущербными инвалидами. Один из героев романа — инвалид-колясочник: «После ранения его сразу оставила подруга. Сам он был с Казахстана — там жила мать, — но к матери вернуться не мог: его, даже без руки и без ноги, посадили бы в тюрьму, как террориста.

Единственным его домом оставался теперь батальон» (стр. 212). Стоит напомнить, что за права русских в Казахстане боролся Эдуард Лимонов, за что и попал в российскую тюрьму.

Захар Прилепин везде подчёркивает, что активностью донецких войск на границе с Украиной постоянно управляет Москва. Но не в том смысле, чтобы кремлёвские правители подстрекали к активизации их действий, а наоборот всё время сдерживали, мешая отстаивать русскую честь и достоинство. Вот что говорит об этом один из героев романа: «Однажды сюда зайдёт Москва. Ты видел, что они делают с российскими губернаторами? Они рубят им яйца, и собирают в общее ведро. Потом приходит уборщица и содержимое ведра выплёскивает на задний двор собакам. Это ладно, ни о ком из них не печалюсь. Но есть цель: из Донецкой народной республики — сделать обычный российский регион. Мы их три года просили: дайте нам строить то, чего в России ещё нет, уже нет и точно — не будет. Дайте, разве вам жалко? (...) Позвольте здесь вырастить своё деревцо. Может, вам самим понравится, северяне»

(стр. 235). Донецкая республика, с точки зрения З. Прилепина, — это не просто очаг сопротивления, но, как бы родник и источник национального самосознания.

Сам автор пробыл буквально на линии фронта больше двух лет. Но, как мы знаем, и до настоящего времени вопрос существования, не говоря уже о признании, ДНР и ЛНР остаётся открытым. У автора, приехавшего в Донецк с огромными деньгами на защиту ДНР и, вероятно, рассчитывая на победу, в конце концов (на сегодняшний день), складывается печальное представление о будущем: «Будет всё то же самое из месяца в месяц. Перестрелки, травмы, похороны, закупки оружия и б/к (боекомплектов — Г.М.), перепалки, новые инвалиды, бомбёжки, похороны, и ещё тысяч пятнадцать сигарет и литров семьсот коньяка. Однажды вернусь домой — у меня усатые сыновья, дочери беременны и каждая далеко не первым ребёнком. Внуки ползают». (Стр. 320).

В романе есть ещё немало интересных зарисовок, в том числе о жизни и трагической гибели лидера ДНР А. Захарченко, о поездке автора в Москву за помощью, которой он так и не добился... Финал романа печален: пришлось-таки Захару Прилепину оставить свой любимый Донбасс, почти бесполезно потратив множество усилий. Перед нами, по сути дела — дневник происходившего. Книга закончена. Но война продолжается. Автор сомневается, что эта война закончится в обозримом будущем.

Санкт-Петербург
Август 2020 г.